

Мята уже была заварена, Линь Чао налил две чашки, одну протянул Бай Аньланю, а вторую оставил себе и с улыбкой произнес:

— Так что на этот раз я больше не намерен глотать обиды.

Два дня спустя побитый, с синяками и ссадинами Линь Чу, опираясь на костыли, пришел к зданию компании и подстерег у входа Линь Чао, направлявшегося на работу.

— Это ты сделал, да? Это ты нанял людей, чтобы меня избили? — Линь Чу схватил Линь Чао за воротник, оттащил в угол и истерически закричал на него.

Линь Чао даже не взглянул на него. Он лишь отстранил его руку, поправил галстук перед зеркальной стеклянной витриной высотного здания, а затем неторопливо ответил:

— Я.

— Ты смеешь меня бить?! Линь Чао, я совсем распустил тебя, да? Не боишься, что я растреплю всем, как твоя мамаша была любовницей и бесстыдно торчала в моем доме, не желая уходить! Пусть весь мир в компании посмотрит, какие вы оба дешевки!

— Валяй, — Линь Чао ничуть не испугался, даже слегка улыбнулся и спокойно произнес: — Только вот в таком случае я не ручаюсь, куда отправятся фотографии того, как ты перед Новым годом отрывался с генеральным директором Суном и его шайкой, играя в какую-то русскую рулетку и взрывая глубинные бомбы.

— Ты, ты... — услышав это, Линь Чу сперва запаниковал и громко возразил: — Что ты мелешь?!

— Несу я чушь или нет, ты и сам прекрасно знаешь, — Линь Чао похлопал его по плечу, шагнул вперед, наклонился к самому уху и тихонько проговорил: — Братец, когда у самого рыльце в пушку и куча грязных грешков, не стоит пытаться пакостить другим. То, что я терпел тебя раз или два, еще не значит, что буду терпеть всю жизнь.

— Линь Чао! Чего ты в конце концов добиваешься? — Линь Чу совершенно не ожидал такого исхода. Идя сюда, он все отлично обдумал: вне зависимости от того, действительно ли Линь Чао нанял головорезов, он повесит все на него и как следует отучит брата от вольностей.

Но в итоге... в итоге у Линь Чао на руках оказались улицы на него?!

Нет, быть того не может, это Линь Чао просто пытается его запугать.

При этой мысли Линь Чу снова обрел уверенность:

— Говорю тебе, даже не думай меня брать на испуг! Никаких безумств, о которых ты говоришь, я отродясь не творил! Смотри у меня, я подам на тебя в суд за клевету!

Линь Чао посмотрел на стоявшего перед ним человека, который до последнего упрямылся, и в уголках его глаз промелькнула легкая беспомощность:

— Если бы у меня не было на руках доказательств, стал бы я с тобой разговаривать? И насчет того, чего я добиваюсь — этот вопрос вообще-то я должен тебе задать.

Линь Чу нахмурился:

— Что ты имеешь в виду?

— Те парни, которые пытались схватить меня в баре Джули на днях, не ты ли их нанял? И ты ведь прекрасно знал, что один из них — носитель ВИЧ. Линь Чу, ты в своем уме?

Лицо Линь Чу то бледнело, то покрывалось синеватыми пятнами.

— И еще: то дело, за которое я отвечал некоторое время назад, тоже твоих рук дело, верно? Лишь бы выжить меня с работы, ты с легким сердцем нанес компании убытки на несколько миллионов. Линь Чу, а ты оказывается мастак.

Сарказм на лице Линь Чао был слишком очевиден, и от вида этого у Линь Чу в голове окончательно замкнуло, так что он выпалил прямо:

— Ну и что, если я? Просто видеть тебя не могу, меня воротит от одной мысли, что у тебя все в порядке!

— Вот оно как, — Линь Чао по-прежнему держался непринужденно и спокойно. Прямо перед лицом Линь Чу он извлек диктофон, слегка помахал им перед его глазами и спросил: — В таком случае я запишу твой голос, ты ведь не возражаешь?

— Ах ты! — Линь Чу всполошился и попытался выхватить диктофон, но из-за больных ног оплошал: не удержал костыль и грохнулся носом прямо в землю.

Услышав шум, Линь Чао даже не обернулся, вошел в здание и вызвал лифт.

Кабинет президента компании.

Линь Чао вырезал самый последний фрагмент той записи и включил его для Шэнь Юйшао.

Шэнь Юйшао подписывал документы и холодно напомнил:

— Одной этой записи недостаточно, чтобы что-то доказать.

— Я знаю, — Линь Чао был еще хладнокровнее и протянул флешку. — Поэтому я нанял специалиста для технического восстановления. Мы восстановили удаленные Линь Чу записи с камер наблюдения, и на них четко запечатлено, как именно он испортил мои документы.

Шэнь Юйшао отложил ручку, приподнял бровь — в его глазах промелькнуло нечто вроде одобрения и облегчения, — однако голос остался холодным и равнодушным:

— И что же? Что ты намерен делать дальше?

— Доказать свою невиновность, а заодно попросить компанию уволить Линь Чу и подать против него иск, чтобы он возместил убытки предприятия.

Внешне Линь Чао казался совершенно невозмутимым, но крепко сжатые пальцы выдавали его внутреннее напряжение.

Потому что он отлично понимал: если Шэнь Юйшао не захочет ему помочь, то увольнение Линь Чу и восстановление честного имени останутся лишь несбыточной сказкой.

Но станет ли Шэнь Юйшао действительно ему помогать?

В конце концов, в свое время Шэнь Юйшао собственными глазами видел, как компания утвердила неверный план, и можно сказать, молчаливо потакал Линь Чу в его кознях...

— О чем ты думаешь? — Шэнь Юйшао неизвестно когда обошел стол и оказался рядом с Линь Чао.

Линь Чао вздрогнул и поспешно отступил назад, но Шэнь Юйшао обхватил его за талию и притянул к себе.

— Президент Шэнь... — Линь Чао попытался отстраниться.

— Чао-чао, — смягчил голос Шэнь Юйшао, — неужели ты думаешь, что я не стану тебе помогать?

Линь Чао поджал губы и промолчал.

Шэнь Юйшао взял его за подбородок, заставляя поднять голову:

— Я признаю, что приложил руку к тому, чтобы Линь Чу подставил тебя перед увольнением, из-за чего на тебе повис долг компании в несколько миллионов.

Глаза Линь Чао покраснели, и во взгляде мгновенно проступила обида.

— Но все ради того, чтобы ты остался со мной, — Шэнь Юйшао легко провел ладонью по лицу Линь Чао, в его глазах одновременно читались насмешка и улыбка. — Четыре года назад ты посмел сбежать от меня, так как же добровольно остался бы со мной спустя четыре года? Вот я и придумал способ заставить тебя остаться под давлением этого многомиллионного долга.

Опять Шэнь Юйшао за свое! Разве четыре года назад он сам хотел уйти? Но у Линь Чао защипало в носу, и ему расхотелось произносить хоть слово.

— Однако я еще меньше выношу вид, когда ты так обижен, — Шэнь Юйшао потрепал Линь Чао по голове. Движения были нежными, но глаза сузились, а в голосе прорезалась свирепость: — С тех пор как я узнал, что тех парней в баре подослал Линь Чу, чтобы поизмываться над тобой, я и не думал оставлять его в покое.

— Но твой план заключался в том, чтобы разобраться с Линь Чу втихаря, оставив меня расплачиваться с многомиллионными долгами компании, — Линь Чао шмыгнул носом и оттолкнул Шэнь Юйшао.

Шэнь Юйшао снова притянул Линь Чао к себе:

— Сперва я действительно так и планировал. Если бы не слухи о том, что у тебя собственные планы, Линь Чу в эту минуту уже болтался бы в Сахаре, предоставленный собственной участи.

— А я всего лишь хочу вернуть доброе имя.

Линь Чао говорил вполне серьезно, но Шэнь Юйшао вдруг вплотную прижался к его уху и с легкой усмешкой бросил:

— Тебя вдоль и поперек тиранили столько раз, о каком добром имени тут говорить?

Кончики ушей Линь Чао покраснели, и он снова оттолкнул его:

— Ты же знаешь, что я не это имел в виду!

— Я могу помочь тебе.

Линь Чао даже опешил:

— Ч-что?

— Чао-чао, я могу помочь тебе в чем угодно, ты можешь просить о чем пожелаешь, — Шэнь Юйшао пристально глянул на него, и в его взгляде заволновалась рябь. — Если только согласишься быть моим любовником.

Любовником...

Эти два слова больно задели самое больное место Линь Чао. Разве его собственная матушка не проходила в любовниках у его отца всю жизнь? Быть презренной подстилкой, на которую все смотрят свысока — с него уже было сыто по горло!

Переполненный эмоциями Линь Чао плеснул стакан холодной воды прямо в лицо Шэнь Юйшао, развернулся и выбежал из кабинета, громко хлопнув дверью.

017 Слушайся

Когда Линь Чао ушел, из комнаты отдыха при кабинете президента вышел высокий и красивый мужчина. У него были персиковые глаза, и даже в минуты покоя от него веяло легким легкомыслием, а уж когда он улыбался, лицо его становилось просто ослепительно прекрасным.

Разумеется, он отлично слышал весь недавний разговор между Линь Чао и Шэнь Юйшао, а потому теперь смеялся без малейшего смущения:

— Ну и влип же ты. Опять довел женушку до побега?

На лице Шэнь Юйшао промелькнул гнев, и он холодно осадил приятеля:

— Это мой муж.

Ли Фэнсин развалился на диване и насмешливо фыркнул:

— Я же не заявлял, что мой, чего ты так напрягаешься? К тому же, раз ты так дорожишь им, с какого перепугу завел шарманку про любовника? Взял бы да предложение сделал напрямую.

Шэнь Юйшао промолчал, лишь вытащил салфетку и с абсолютно бесстрастным выражением лица принялся убирать капли воды со щек.

— Понятно, — Ли Фэнсин, глядя на мину своего друга детства, тут же во всем разобрался. — Ты просто все еще затаил обиду на Линь Чао и пытаешься задеть его назло, я прав? В те годы ты

из-за него чуть жизни не лишился, да еще и с семьей на ножах был, а он в ответ взял и заблокировал тебя, умотав за границу, да так, что даже о расставании передал через третьих лиц. Тебя до сих пор сверлит этот червячок сомнения, верно?

Лицо Шэнь Юйшао оставалось ледяным и непроницаемым, он молчал.

— Даже я вижу, что в той истории с отъездом было полно темных пятен, но ты боишься копать глубоко, потому что смертельно боишься узнать: а вдруг Линь Чао и правда тебя разлюбил? Я угадал? — Ли Фэнсин заглянул в телефон на биржевые котировки и продолжил подначивать друга: — Все вокруг твердят, что президент Шэнь у нас человек решительный и жесткий, но по мне — в делах сердечных ты просто трус.

— Меньше болтай, — Шэнь Юйшао, раздраженный его нравоучениями, дернул за галстук и бросил с досадой: — Что насчет поручения? Выяснил?

— Наконец-то готов взглянуть правде в глаза?

Шэнь Юйшао нахмурился:

— Еще слово — и вылетите отсюда с восемьдесят восьмого этажа.

Ли Фэнсин решил больше не испытывать судьбу и протянул ему увесистую пачку документов:

— Мужчина, который оформлял Линь Чао документы на выезд за границу четыре года назад, носит фамилию Бай, и внешне весьма недурен.

— Бай Аньлань?

— Угу, он самый, — Ли Фэнсин поскреб подбородок, словно до сих пор смакуя образ Бай Аньлани. — Этот парень учился с Линь Чао в одной школе с начальных классов, в средней и старшей школе они тоже сидели в одном классе — можно сказать, выросли вместе.

Заметив помрачневшее лицо Шэнь Юйшао, Ли Фэнсин с ухмылкой добавил:

— Правда, этот молодой господин Бай — человек без царя в голове: привез Линь Чао за рубеж и тут же бросил на произвол судьбы, умыв руки. Лицо президента Шэня стало ещё мрачнее:

— Он что, совсем не следил за Линь Чао?

— Да уж, в то время Бай Аньлань завёл себе какого-то мелкого актёришку и был на самом гребне волны, целыми днями таскался за ним по съёмкам и мероприятиям — откуда у него

время на Линь Чао? Линь Чао всё это время жил сам по себе.

Ли Фэнсин тут же тяжело вздохнул:

— К тому же, непонятно, что произошло с Линь Чао. Раньше такой жизнерадостный, открытый парень, стоило уехать за границу — будто подменили. Стал замкнутым, впал в депрессию, ни с кем не общался, друзей не завел. Как-то раз он потерял сознание дома из-за низкого уровня сахара в крови и пролежал на полу всю ночь, пока кто-то его не нашёл. Когда его грузили в скорую, всё его тело было совершенно окоченевшим.

Шэнь Юйшао сжал документы в руке так крепко, будто по его сердцу полоснули ржавым железным клинком: сначала тупая боль, а затем хлынула кровь.

Линь Чао.

Его Чаочао.

Он-то думал, что все эти годы тяжело приходилось только ему самому, но реальность оказалась похожа на нож, который распорол все его самонадеянные фантазии и вывалил перед ним кровавую правду, заставив отчётливо понять: все эти годы Линь Чао тоже несладко пришлось.

Шэнь Юйшао охватило раскаяние.

Он думал: какого чёрта он вообще решил дуться на Линь Чао?

Пусть даже Линь Чао и впрямь разлюбил его — и что с того? Пусть даже Линь Чао ушёл, не прощаясь — и что? Он вполне мог мягко, искренне, проявив всё возможное терпение, вернуть Линь Чао, а не заикливаться на том, как бы заставить его подчиниться, сломить, вымолить прожалое и силой привязать к себе.

— Сердце заболело? — поинтересовался сидевший рядом Ли Фэнсин.

Шэнь Юйшао ничего не ответил, лишь торопливо подхватил пиджак и семимильными шагами вышел из кабинета.

Кабинет генерального директора группы компаний Бай.

Бай Аньлань только что закончил совещание и заглянул к Линь Чао, который прятался в его кабинете и предавался пьяной тоске.

У Линь Чао покраснели уголки глаз, щёки расцвели ярким румянцем, а похожие на маленькие

веера ресницы непрерывно трепетали — от прежней невозмутимости, выдержки и внутренней силы не осталось и следа, перед ним сидел мягкий, хрупкий, жалобный комочек.

Перед началом совещания Линь Чао уже наговорился с ним вдоволь, и Бай Аньлань в общих чертах понимал, из-за чего тот хандрит, но совершенно не представлял, как его утешить.

Обдумав всё, Бай Аньлань предложил:

— Слушай, может, просто полюбишь кого-нибудь другого?

Линь Чао лежал лицом на столе, выписывая пальцем круги, и вяло протянул:

— Но я люблю только его.

Бай Аньлань вздохнул:

— Почему ты раньше мне обо всём этом не рассказал? Узнай я об этом вовремя, ни за что не отправил бы тебя четыре года назад за границу, уж я бы точно притащил Шэнь Юйшао прямо к тебе, чтобы ты во всём до конца разобрался.

Чем больше Бай Аньлань об этом думал, тем сильнее тоска брала его за сердце, и он схватил ещё один бокал, присоединившись к выпивке Линь Чао.

Линь Чао тихонько покачал головой.

Тогда он никак не мог рассказать об этом Бай Аньланю.

Сразу после окончания выпускного класса старшей школы дядя Бай Аньланиа положил глаз на Линь Чао. Он ухаживал за ним с невероятным усердием и заботой, видом своим показывая, что намерен жениться только на нём. Но Линь Чао ничего не чувствовал к второму дяде Баю: сколько бы тот ни старался проявить внимание и заботу, в глазах Линь Чао это было лишь назойливым вмешательством.

Родители Бай Аньланиа умерли рано, и они с младшим братом Бай Анью росли на попечении второго дяди, поэтому чувства к нему были самыми глубокими. Узнав, что второй дядя без ума от Линь Чао, Бай Аньлань принялся изо всех сил сводить их, мечтая, чтобы Линь Чао немедленно вышел замуж за его дядю и стал его вторым дядей-супругом.

Линь Чао тогда даже подрался с Бай Аньланем из-за этого.

В конце концов Линь Чао это до такой степени задолбало, что он прямым текстом заявил Бай

Аньланю: он — натурал, любит девушек, а его дядю просит катиться куда подальше и больше к нему не приставать. Только после этого Бай Аньлань утомился.

Но после этого Линь Чао уже ни за что на свете не осмелился бы рассказать Бай Аньланю о том, что заводит парней и крутит романы.

В конце концов, в юности Бай Аньлань был невероятно прилипчивым и безумным, и Линь Чао смертельно боялся, что, узнав о его настоящих предпочтениях, тот снова начнет бесстыдно канючить и умолять стать его вторым дядей-супругом.

Прошлого не воротишь. Линь Чао запрокинул голову и сделал большой глоток вина, отчего его губы стали ярко-алыми, словно испачканные соком.

— Я же не знал, что ты тогда переживал несчастную любовь, — всё ещё коря себя, Бай Аньлань с досадой заколотил себя кулаками в грудь. — Иначе я ни за что на свете не бросил бы тебя одного за границей.

— Ты тогда сам был безумен настолько, что только и делал, что бегал за мальчишками, пытаясь завязать романы — когда тебе было думать о твоём друге?

Линь Чао вовсе не держал на него зла и налил Бай Аньланю ещё немного вина:

— Хватит об этом. Давай, выпьем.

Линь Чао только поднял бокал, как дверь отворилась. Заметив знакомую фигуру, он замер, и пальцы тут же разжались, выпустив посуду.

Звяк!

Бокал вместе с бутылкой красного вина рухнул на пол, брызги багрового напитка запачкали диван, а по всему полу разлетелись осколки стекла.

— Ты... — Линь Чао качнул головой, внезапно ощутив головокружение и потемнение в глазах. Он попытался сделать шаг вперёд, но услышал голос вошедшего:

— Не двигайся. Линь Чао, соображая с трудом, хотел было послушаться мужчину, но он уже сильно опьянел, тело отказывалось ему подчиняться, и он едва не рухнул на пол.

Однако в этот самый момент пара крепких и сильных рук надёжно подхватила его.

— Шэнь Юйшао...

— Послушайся, пока не двигайся.

Сказав это, Шэнь Юйшао приложил усилие и осторожно, бережно вынес Линь Чао с усыпанного осколками стекла пола, опустив в безопасном месте.

Линь Чао коснулся ногами твердой земли, но сердце его, казалось, все еще парило где-то в вышине. Алкоголь всегда с легкостью погружает человека в полузабытие, и сейчас, глядя на нежный профиль Шэнь Юйшао, Линь Чао даже не понимал, какой нынче год.

Ему вдруг показалось, что он вернулся в студенческие годы.

Тогда фигура Шэнь Юйшао была еще чуть угловатой и юношеской, в чертах лица сквозила студенческая простота, но его брови и глаза оставались такими же красивыми, как и поныне, ничуть не изменившись.

Под учебным корпусом, на аллее среди тенистых деревьев, рядом с волейбольной площадкой всегда находились юноши и девушки, испытывавшие к нему трепетные чувства. Кто-то страстно признавался в любви, кто-то пытался завязать разговор под удобным предлогом, а кто-то просто робко просил номер телефона.

Но Шэнь Юйшао неизменно оставался высокомерно равнодушным.

Он всегда умел не замечать абсолютно всех и продолжал гордо идти своей дорогой, словно вся суэта этого мира не существовала для него, а сам он был отгорожен от мирской жизни — холоден, отрешен и одинок.

Линь Чао все еще помнил, как впервые его сердце дрогнуло при виде Шэнь Юйшао: это произошло из-за мимолетного, поразительного взгляда в окно во время скучной лекции. Тогда Шэнь Юйшао просто небрежно шел по дороге, а он, точно так же, как и все те парни и девушки, что прежде пытались добиться расположения Шэнь Юйшао, был ослеплен его исключительной аурой и безупречным, лишенным изъянов лицом.

Однако Линь Чао в молодости был куда смелее, чем сейчас. Трепетное волнение первой любви нахлынуло внезапно, но он вовсе не испугался и, напротив, во всеуслышание самоуверенно заявлял, что непременно добьется Шэнь Юйшао.

Друзья с мягким характером отговаривали его, рассказывая, что Шэнь Юйшао холоден от природы и покорить его чертовски трудно, ведь столько красавцев и красавиц уже штурмовали эту крепость и потерпели сокрушительное поражение, так что ему стоило все хорошенько обдумать, чтобы потом не горевать.

Друзья-шутники высмеивали его, говоря: Шэнь-сюэчжан даже на старшекурсницу такую-то и то не смотрит, с чего бы ему заглядываться на тебя — мечтай дальше.

Но эти слова ничуть не убавили пыла Линь Чао по отношению к Шэнь Юйшао. Он специально сделал укладку, купил новый костюм, выбрал счастливый день по лунному календарю, а затем преградил путь на тропе, по которой Шэнь Юйшао неизменно ходил, и, притворившись, будто заблудился, заговорил с ним:

— Сюэчжан, сюэчжан, вы не подскажете, как пройти к спортзалу? Толпа его приятелей-лоботрясов пряталась неподалеку, наблюдая за представлением и ожидая, что президент Шэнь проигнорирует Линь Чао точно так же, как и всех остальных. Однако, к всеобщему удивлению, президент Шэнь не только не оттолкнул Линь Чао, но и долго вглядывался в него, а затем произнес:

— Я провожу тебя.

Позже, когда они уже действительно начали встречаться, Линь Чао, прижимаясь к груди президента Шэня, с наивной хитростью допытывался:

— Ты и к остальным так относишься? Если бы кто-то другой спросил тебя дорогу, например, как пройти к спортзалу, ты бы тоже его проводил?

— Нет.

Ответ президента Шэня был кратким и четким.

— Тогда почему ты со мной поступил иначе?

Президент Шэнь ничего не ответил, лишь подхватил его на руки, уложил на кровать и принялся тискать.

Не унимаясь, Линь Чао ласково капризничал:

— Сначала ответь, а не то не позволю тебе ничего делать.

Президент Шэнь поцеловал его в лоб и, без лишних слов сорвав с него рубашку, наконец признался:

— Ты красивый.

— Что такое, неужели причина настолько банальна... М-м, не надо...

...

— Чао-чао,

Зов президента Шэня заставил Линь Чао прерваться на воспоминания. Линь Чао протер глаза, ноги у него подкосились, и он снова рухнул в знакомые объятия мужчины.

— Почему ты так много выпил? — брови президента Шэня сошлись на переносице, и он нежным движением провел рукой по лбу Линь Чао.

Линь Чао скривил губы, и на него внезапно накатил волна горечи. Повернув голову, он спросил президента Шэня:

— Ты и с другими своими любовниками так обращаешься?

Сердце президента Шэня пронзила острая боль:

— Никаких других нет, только ты.

Президент Шэнь извинился перед ним:

— Это моя вина, я не объяснил тебе всё толком...

— Но я не хочу быть твоим любовником. — Линь Чао перебил его, прикрыл глаза тыльной стороной ладони и слегка всхлипнул: — Я хочу...

Дыхание президента Шэня сбилось, и он настойчиво переспросил:

— Чего ты хочешь?

Его сердце забило от тревоги. Готовясь принять любой исход — будь то желание Линь Чао помириться или прогнать его подальше, — он понимал, что в худшем случае ему просто придется приложить усилия и снова как следует поухаживать за Линь Чао.

Но у президента Шэня были свои надежды, и он изводил себя сомнениями.

Он боялся, что Линь Чао больше его не любит, и в то же время робко мечтал, что в Линь Чао еще теплится привязанность к нему. Уход Линь Чао четыре года назад лишил его уверенности в себе, а нынешнее поведение Линь Чао лишь запутывало, не позволяя точно понять, какие же чувства тот сейчас испытывает к нему.